

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ О ДРЕВНЕМ МИРЕ (1917—1967)

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И РЕМЕСЛЕННИКОВ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ЕГИПТА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Среди проблем, возникающих при изучении древнего общества, одной из первых является исследование социального положения различных слоев трудящихся — рабов.

Как известно, период становления советской марксистской исторической науки о древнем мире завершился в конце 20-х — начале 30-х гг. дискуссиями об азиатском способе производства и рабовладельческом строе¹. Тогда большинством советских историков была на документальных материалах обоснована точка зрения, что первое классовое общество было рабовладельческим. Но это, разумеется, не означало, что в его составе находились только рабовладельцы и рабы. Поэтому сразу же и особенно по мере углубления исследований росла необходимость детальнее изучать его сложный социальный состав и конкретные местные варианты, что и нашло отражение в трудах советских историков.

В предлагаемой вниманию статье мы остановимся на изучении советскими историками фактического положения земледельцев и ремесленников в эллинистическом Египте.

Еще в 1933 г. на дискуссии о рабовладельческом строе на древнем Востоке В. В. Струве в своем большом докладе «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока»² коснулся вопроса о применении рабского и нерабского труда в сельском хозяйстве и ремесле эллинистического и римского Египта. Он подчеркивал катастрофическое разорение египетских крестьян, которое привело к тому, что они оказались оторванными от своих средств производства, «эксплуатировались греками и римлянами... Они использовались государством как работники на мануфактурах, и поскольку они были прикреплены к данным мануфактурам, их приходится определять с точки зрения экономической в качестве рабов»³. Так же было определено и положение постоянных работников в частновладельческих име-

¹ С. М. Д у б р о в с к и й, К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала, М., 1929; «Дискуссия о социально-экономических формациях», «Историк-марксист», 1930, т. 16, стр. 104 слл.; «Об азиатском способе производства», изд. «Закннига», 1930; «Общество марксистов-востоковедов. Дискуссия об азиатском способе производства», М.—Л., 1931; В. В. С т р у в е, Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока; прения по докладу, ИГАИМК, вып. 77, 1934.

² ИГАИМК, вып. 77, стр. 32—111.

³ Там же, стр. 84. Несоответствующий эпохе термин «мануфактура» в общем отражает уровень нашей исторической науки конца 20-х — начала 30-х гг.

ниях раннего эллинизма. Сначала они работали батраками, а потом были закабалены и тоже превратились, с экономической точки зрения, в рабов. Касаясь вопроса о царских земледельцах, В. В. Струве отметил сложность социального состава лиц, объединенных этим термином, как арендаторов государственной земли. Среди них «были далеко не все непосредственными производителями», а было немало рабовладельцев, в том числе александрийцев. Положения, сформулированные В. В. Струве для характеристики социальных отношений в греко-римском Египте, в значительной мере носили декларативный характер, поскольку были подкреплены небольшим количеством документов и притом относившихся к разным векам⁴.

Возражавший ему на дискуссии А. И. Тюменев считал, что документы, дошедшие до нас от эллинистического Египта и в том числе данные, приведенные В. В. Струве, «показывают нам не рабовладельческий, а оброчный характер хозяйства» (там же, стр. 146). Налицо наследственные крестьяне-общинники и наследственные ремесленники. Система хозяйства в Египте барщинно-оброчная (стр. 146 сл.). Возражая докладчику, говорившему о широком применении в ирригационной системе труда рабов, А. И. Тюменев заметил, что в эллинистическую эпоху «к работам по проведению и ремонту канализационной системы привлекалось все население» (стр. 147).

В 1935 г. опубликовал интересное небольшое исследование «Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. Зерновые культуры»⁵ О. О. Крюгер. На материале папирусов он в основном поддержал точку зрения В. В. Струве, но детализировал ряд общих выводов и проблем, которые в той или иной степени потом обращали на себя внимание всех, занимавшихся социально-экономической историей царства Птолемеев. Подчеркивая, что в сельском хозяйстве эллинистического Египта внеэкономическое принуждение играло решающую роль, О. О. Крюгер нарисовал сложную картину аграрных отношений. «Тут и рабы, которые так и называются рабами, тут и рабочие, положение которых, пока они работают, от рабов ничем не отличается; к этой работе привлекаются и заключенные в тюрьмы преступники. Острог на крупных сельскохозяйственных предприятиях, так же как и близ ремонтирующихся дамб, в рудниках, каменоломнях, — необходимый аксессуар... Наряду с этим трудом применяется еще трудовая повинность широчайших масс эксплуатируемого населения (*λειτουργία*) ... В эллинистическом Египте крайне трудно установить границы применения этого вида эксплуатации» (стр. 107). Далее О. О. Крюгер отметил «особую профессию — крестьян-арендаторов, не имевших собственных участков» (стр. 108) и вслед за В. В. Струве предположил, что «непосредственный производитель в Египте уже очень рано, в птолемеевское время, лишился средств производства. Его труд применялся на полях арендаторов, как крупных, так и мелких» (стр. 111) О. О. Крюгер также обратил внимание и на сложность содержания термина *γεωργός*, которым обозначали и непосредственных производителей-крестьян, батраков и землевладельцев, пользовавшихся наемной силой, в том числе и греков. Но «до полной ясности в этом вопросе еще далеко» (стр. 113), справедливо заключил он тогда свое исследование.

Полемизируя с распространенной в западноевропейской и американской историографии точкой зрения, согласно которой в греко-римском Египте был развит капитализм и существовало только домашнее рабство, причем в очень ограниченных размерах, О. О. Крюгер внимательно разобрал содержание немногочисленных описывавших сельскохозяйственные работы папирусов, в которых западные ученые находили упоминания о применении рабской силы, привлек, кроме того, другие папирусы и обнаружил значительно большее количество рабов, эксплуатируемых в сельском хозяйстве. В связи с известной нечеткостью социальной терминологии в птолемеевских па-

⁴ Там же, стр. 84 сл., 88 и прим. на стр. 110—111. Краткость документации можно объяснить тем, что история греко-римского Египта выходила за рамки основной темы доклада о развитии социально-экономических отношений на древнем Востоке.

⁵ ИГАИМК, вып. 108 «Из истории материального производства античного мира», 1935, стр. 7—114.

пирусах он справедливо отметил, что «только внимательное исследование и толкование отдельных текстов дают нам возможность устанавливать случаи применения рабского труда» (стр. 63). Однако его заключительное обобщение о том, «что уже в птолемеевское время рабский труд играл большую роль на полях Египта и что землевладение (здесь — Н. П.) проделало тот же путь, что и в Италии» (стр. 112), осталось в общем недоказанным.

Против этой концепции продолжал возражать А. И. Тюменев, который в 1935 г. опубликовал обзор истории Греции, эллинистических государств и Рима под общим названием «История античных рабовладельческих обществ»⁶.

Специально остановившись на характеристике эллинистического Египта (стр. 123—137), он снова подчеркивал, что «Типичное для Греции рабовладельческое хозяйство совершенно не пришло к почве эллинистического Египта» (стр. 126). В сельском хозяйстве «преобладающим типом была зависимая или полузависимая аренда с уплатой определенного оброка» (стр. 126). «Лучшие земли (т. е. все земли, непосредственно орошаемые разливами Нила) составляли царский домен (ge basilike — царская земля), обрабатываемый „царскими земледельцами“» (стр. 125). Основной массой их были зависимые мелкие производители. А отдельные представители пмущих классов, бравшие на себя ответственность за обработку участков царской земли и поэтому тоже включавшиеся в состав царских земледельцев, обычно пересдавали свои участки этим зависимым крестьянам. В «обрабатывающей промышленности» (стр. 128) преобладали мелкие ремесленники, причем «ремесленники и рабочие, специально занятые в царских мастерских (например, в маслодельнях), находились в еще большей зависимости, чем царские земледельцы» (стр. 130). Греки встретили в Египте уже сложившуюся систему государственного хозяйства, основанного на полузависимом труде государственных крестьян и ремесленников, и приспособились к ней. «Общественный строй, выраставший на базе описанной хозяйственной системы, был несложен. Все население делилось на эксплуатируемую массу мелких производителей... и правящий класс» (стр. 134). Крестьяне жили в самоуправляющихся крепостных деревенских общинах, являющихся в глазах администрации прежде всего органами круговой поруки (стр. 136). Эти соображения, в связи с тем, что они были высказаны в общем историческом очерке, не подкреплялись ссылками на источники.

С. И. Ковалев в своем лекционном курсе, изданном в 1936 г.⁷, тоже бегло остановился на «сложной и трудной проблеме непосредственного производителя в эллинистическом Египте» (стр. 26). Поддерживая точки зрения В. В. Струве и О. О. Крюгера, он дал общую характеристику социального положения земледельцев и ремесленников, признав его своеобразной разновидностью рабства. По мнению С. И. Ковалева, «„Свободный“ непосредственный производитель птолемеевского Египта был не чем иным, как государственным рабом — крестьянином, потерявшим землю и орудия производства, закабаленным, задавленным непомерным гнетом эксплуатации правящей греко-македонской верхушки и всего военно-бюрократического государственного аппарата» (стр. 26 сл.).

В. С. Сергеев, издавший свой курс лекций по истории древней Греции в 1934 и в 1939 гг.⁸, пришел к заключению, что в эпоху эллинизма «рабовладельческая основа сохранялась, но большое значение в сельском хозяйстве и ремесле приобретал труд полусвободных производителей типа римских колоннов⁹. Таковыми были царские земледельцы и ремесленники в эллинистическом Египте. Царские земледельцы являлись основной массой египетского населения. Они были мелкими арендаторами царских земель и жили отдельными поселками; каждый поселок представлял самостоятельную замкнутую земельно-водную общину, члены которой были связаны друг с другом

⁶ ИГАИМК, вып. 111, 1935.

⁷ С. И. Ковалев, История античного общества. Эллинизм, Рим, Л., 1936 (раздел «эллинизм» — стр. 1—53).

⁸ В. С. Сергеев, История древней Греции, М., 1934 и 1939.

⁹ В. С. Сергеев, История древней Греции, М., 1939, стр. 305. Это определение сохранено и в посмертном переиздании учебника В. С. Сергеева в 1948 г. на стр. 398.

производственным процессом. Будучи общинниками, они фактически не имели права выхода из своей общины. Это было закреплено законом, так как власти были заинтересованы в бесперебойной обработке земли (там же, стр. 403 сл.). Семена, инвентарь и рабочий скот сьемщики получали от местных властей. «За право пользования землей земледельцы платили *натуральный оброк* ... Работа земледельцев протекала под бдительным контролем ... администрации»¹⁰.

Далее, остановившись на социальном положении ремесленников, В. С. Сергеев заметил, что «в эргастериях работали рабы, вольноотпущенники и свободные. Каково было соотношение рабского и свободного труда в Египте при Птолемах, установить трудно, но существование того и другого не подлежит сомнению. Ремесленники имели собственные мастерские и работали на городской рынок или же работали на дому из материалов заказчика. Ремесленники-мастера имели подмастерьев и учеников» (стр. 409). В городах ремесленники объединялись в союзы с выборными лицами во главе (стр. 409). Упомянув далее о царских монополиях, В. С. Сергеев на основе «Податного устава» остановился на откупной системе и описал ограничения, которым подвергались работники-маслоделы (стр. 411 сл.).

Наконец, в специальном сборнике по истории техники древнего Востока, изданном в научно-популярной серии Академии наук СССР в 1940 г., во введении к разделу «История техники эллинистического, римского и коптского Египта» К. С. Ляпунова и М. Э. Матье, кратко остановившись на социальном положении египетских крестьян и ремесленников, отметили, что первые были прикреплены к земле, а вторые были свободными¹¹. Но и те и другие подлежали трудовым повинностям, платили высокие подати, налоги, угнетались царской администрацией (стр. 248). Далее в разделе идет речь о технике различных отраслей производства.

Таким образом, в 30-е гг. проблема социального положения земледельцев и ремесленников в эллинистическом Египте, кроме упомянутого выше исследования О. О. Крюгера, еще не подвергалась специальному изучению. Перечисленные ученые касались ее только в лекционных курсах, очерках или докладах в связи с изучением общих тенденций развития древнего общества с позиций марксистско-ленинской исторической науки.

Но уже в эти годы наметились две тенденции при изучении древнего общества в целом и общества эллинистического Египта в частности. Одна — с элементами схематизма и стремлением к унификации его сложного состава, стремлением объяснить конкретное положение различных групп непосредственных производителей модификациями рабства и в том числе — потенциальным рабством. Наиболее ярким ее представителем среди антиковедов, кроме В. В. Струве, был С. И. Ковалев. Другая — стремилась противопоставить общей схеме общество, сложное по своему социальному составу, представить его в деталях, с учетом местных вариантов. При этом для эллинистического Египта рабовладельческая основа общества отрицалась. Наиболее видным представителем этой тенденции был А. И. Тюменев. Однако вторая тенденция в 30-е гг. только наметилась и не получила своего развития. Среднюю позицию занимал В. С. Сергеев, особенно в своем учебнике «История древней Греции», оказавшемся наиболее долговечным среди изданий такого рода.

В 40-е гг., после перерыва, вызванного Великой Отечественной войной, советские специалисты по истории древнего мира возобновили обмен мнениями по изложенным выше проблемам. В частности, автор настоящего обзора еще в 1945 г. касался положения земледельцев и ремесленников в царском хозяйстве птолемеевского Египта. В статье «Номовый закон в эллинистическом Египте III в. до н. э.» он рассматривал их как юридически свободных тружеников, живших в стеснительных условиях военных-бюрократического режима¹². В одном из первых послевоенных номеров журнала «Ве-

¹⁰ В. С. Сергеев, История древней Греции, М., 1948, стр. 405.

¹¹ «Очерки по истории техники древнего Востока», под ред. В. В. Струве, М. — Л., 1940, стр. 246.

¹² «Уч. зап. Ярослав. пед. ин-та», вып. VII (XVII). История, 1945, стр. 5 сл., 8 сл.

стник древней истории» была помещена передовая статья, озаглавленная: «К изучению истории крестьянства в древности». В ней упоминались и крестьяне эллинистического Египта ¹³.

В 1948 г. этого вопроса коснулся в статье «Земли клеруков в Керкеосирисе по данным тебтюннских папирусов» К. К. Зельин ¹⁴. В связи с основной темой он упомянул о γεωργοί и βασιλικοί γεωργοί, как о земледельцах, работающих на участках клеруков и катэков в порядке найма и субаренды. Автор статьи на материале источников второй половины II в. до н. э. далее предположил, что, по крайней мере иногда, это были самостоятельные держатели мелких участков царской земли, «так сказать, подрабатывающие на стороне». Все эти γεωργοί страдали от притеснений и злоупотреблений клеруков и местных чиновников, на что указывают жалобы, сохранившиеся среди Тебтюннских папирусов. «Рабочая сила на землях клеруков отличалась текучим характером. Постоянно наблюдался переход от пользования чужим трудом к самостоятельной обработке и обратно» (стр. 48), — заключил эту часть своего небольшого исследования К. К. Зельин. Однако он предостерег читателя от широких обобщений, поскольку в предложенной статье тема была затронута «в узких рамках данных, относящихся лишь к одному из поселений в Фаюмском оазисе» (стр. 41).

В том же году в сборнике «Эллинистическая техника», изданном под редакцией И. И. Толстого ¹⁵, было уделено внимание организации производства и социальному положению тружеников в каменоломнях, рудниках, строительном деле и в текстильном производстве эллинистического Египта. В некотором противоречии с предисловием, принадлежащем И. И. Толстому, который утверждал, что в эпоху эллинизма «античное рабовладельческое хозяйство достигает полного своего развития» и что «грецизированные» птолемеевский Египет и вообще «все Средиземноморье, образуют отныне в основном однотипный тон жизни» ¹⁶, автор большей части сборника М. И. Максимова суммарно охарактеризовала работников в каменоломнях и рудниках, как наемных рабочих, работавших у подрядчиков и получавших зарплату, по-видимому, натурой (там же, стр. 14 сл.). Она остановилась и на известном описании организации работ на золотых приисках в Нубии, принадлежащих Агафархиду, которое дошло до нас в передаче Диодора. Охарактеризовав как «сверхкаторжные» условия труда на приисках, она отметила там наличие двух категорий работников: несвободных (военнопленных и заключенных), выполнявших самые тяжелые работы, и свободных квалифицированных рабочих. Заметив, что вопрос о применении рабского труда в египетских каменоломнях не может считаться достаточно выясненным, М. И. Максимова допустила его существование в очень небольших размерах. Относительно же эксплуатации рудников добавила, что сведений о применении в них в птолемеевское время рабского труда не имеется (стр. 18—23 и 32). Другим видом эксплуатации каменоломен и рудников была государственная барщина, выполнявшаяся в порядке литургии местными жителями примерно в течение года, о чем говорят папирусы. Вознаграждения литургии не получали, но содержались в течение всего времени выполнения литургии за счет государства. Работали они по договорам, «которые до известной степени обеспечивали литургов от произвола царских чиновников» (стр. 32). М. И. Максимова констатировала значительную дифференциацию труда строительных рабочих и добавила, что вообще «профессиональные рабочие» платили государству ремесленный налог. Для защиты своих экономических интересов они организовывали профессиональные объединения и союзы, например мукомолы; рабочие в каменоломнях Фаюма и на сооружении дамбы устраивали забастовки ¹⁷.

¹³ ВДИ, 1947, № 1, стр. 5.

¹⁴ ВДИ, 1948, № 3, стр. 36—51.

¹⁵ «Эллинистическая техника», сб. статей под ред. И. И. Толстого, М.—Л., 1948.

¹⁶ Там же, стр. 3 и 4. В числе эксплуатируемых в рабовладельческом обществе эпохи эллинизма И. И. Толстой называет массы рабов, батраков, вольнонаемных рабочих и обездоленного сельского населения.

¹⁷ Там же, стр. 15, 186—188. Как недочет в этой работе следует отметить механическое перенесение в древность терминологии нового времени.

В текстильном производстве М. И. Максимова отмечала частную выработку льняных тканей ремесленниками, которые работали на дому и в мастерских, но под строгим надзором государства, скупавшего готовые материи, так как торговля льняными тканями была им монополизирована. Несколько иначе было организовано производство шерстяных изделий. Прядением занимались на дому частные лица, преимущественно женщины. «Право тканья шерстяных материй имел, по-видимому, каждый гражданин, плативший за это промысловый налог» (стр. 250). Ткачи также «работали у себя на дому или в частных мастерских, по большей части, с двумя или тремя наемными рабочими и получали плату от собственника мастерской деньгами или натурой» (стр. 250 сл.). Но встречались, писала М. И. Максимова, и более крупные мастерские, в которых иногда применялся и рабский труд. Она указала при этом на известную шерстокацкую мастерскую Аполлония в Мемфисе. «Равным образом и Птолемей имели собственные, вероятно крупные, ткацкие мастерские в Александрии». Торговля шерстяными тканями, за исключением грубошерстных, необходимых для армии, была свободной¹⁸.

Свою концепцию о фактическом государственном рабстве крестьян в эллинистическом Египте и о распространении рабства на многие отрасли ремесла и торговли продолжал развивать С. И. Ковалев¹⁹.

В 40-е гг. проблеме социальных отношений в период эллинизма и в том числе в эллинистическом Египте специальное внимание уделял А. Б. Ранович, сначала бегло в статьях²⁰, а затем более обстоятельно в изданной посмертно в 1950 г. монографии «Эллинизм и его историческая роль»²¹. В ней в главе V, кроме общего обзора египетской истории этого времени, был подвергнут краткому анализу на основе папирусов и надписей социальный состав населения эллинистического Египта. Подчеркнув рабовладельческий характер эллинистического общества А. Б. Ранович, частично, повторяя предыдущих исследователей, более подробно, чем это делалось раньше, остановился на положении крестьян и ремесленников, отметив, что «Основными производителями на земле Египта были „царские земледельцы“, *γεωργοὶ βασιλικοί*, именуемые возможно также *λαοί*... Формально царские земледельцы были арендаторами... Одним из средств закабаления арендаторов была выдача семенного зерна в качестве ссуды... Мелкие арендаторы попадали, таким образом, в зависимость от государства, так как отказаться от ссуды они не могли» (стр. 195). Но прикреплены к земле они не были. Крупные землевладельцы применяли в своих хозяйствах труд рабов, дешевый труд поденщиков и принудительный труд свободных крестьян. «Крестьяне сохранили остатки общинной организации... Государство использовало эти общинные пережитки в своих целях, для установления коллективной ответственности крестьян за их долги государству» (стр. 197 сл.). Общей характеристики положения египетских ремесленников в монографии нет, однако отмечается, что работники масляной монополии «юридически... конечно, не рабы, их правоспособность в других отношениях не ограничена. Но пока они работают на монополию, они подвергаются такому ограничению в правах, которое возможно только в условиях восточной деспотии» (стр. 201). О работниках других монополий сказано вскользь. Со сноской на Р. Теб. 5 отмечается, что «производство тканей находилось в руках частных лиц» (стр. 202). А. Б. Ранович остановился и на обязательных безвозмездных работах трудящегося населения в пригационной системе (стр. 202). Рядом с крестьянами и ремесленниками, по его мнению, неоднократно подчеркиваемому, в Египте работало большое количество рабов. Недооценка роли рабства в египетском хозяйстве, писал А. Б. Ранович, иной раз объ-

¹⁸ Там же, стр. 251. На наш взгляд, вместо термина «гражданин» целесообразно в условиях эллинистического Египта употреблять термин «подданный».

¹⁹ См. В. Т а р н, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, Предисловие С. И. Ковалева, стр. 11—14.

²⁰ А. Б. Р а н о в и ч, Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии, ВДИ, 1947, № 2, стр. 28—39; он же, Основные проблемы истории эллинизма, ВДИ, 1949, № 1, стр. 11—28.

²¹ А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, гл. V. Эллинистический Египет, стр. 167—230.

ясняется тем, что «исследователю рисуется какой-то „идеальный“ шаблон раба, какой известен главным образом в Римской республике. Между тем в Египте существовали формы рабства, которых нельзя подвести под шаблон» (стр. 206).

А. Б. Ранович полагал, что, поскольку «Египет занял видное место в экономике эллинистического мира в целом, это означало рост рабовладельческих отношений... расширение производства, стимулируемое также политикой первых Птолемеев, было возможно только путем все большего применения труда рабов» (стр. 203 сл.).

Такое обобщение вытекало из концепции А. Б. Рановича о том, что эллинизм был прогрессивным этапом развития античного рабовладельческого общества (стр. 29—31 и др.). Однако, используя для общей характеристики общества эллинистического Египта документы разных веков, он не уделил должного внимания процессу развития в рамках эпохи.

Автор настоящей статьи также касался рассматриваемой проблемы в статье «Переломный период в истории эллинистического Египта», опубликованной в 1951 г.²² В ней отмечалось большое значение труда крестьян и ремесленников, жестоко эксплуатировавшихся в рабовладельческом обществе птолемеевского Египта во второй половине III в. до н. э. (стр. 59 сл.). В другой статье, опубликованной в 1952 г., мы выясняли наличие античного рабского эргастерия у двойкета Аполлония, в его мемфисской *фореа*, в середине III в. до н. э.²³ Но при этом также отмечалось и подчеркивалось, что «исследование проблемы положения и роли в производстве производителей материальных благ нельзя ограничивать только изучением вопросов рабовладения; сами эти вопросы могут быть удовлетворительно разрешены только при параллельном изучении положения и роли в производстве других категорий непосредственных производителей» (стр. 89). В статье подчеркивалось и большое значение анализа терминологии и контекстов, в которых упоминаются отдельные эксплуатируемые труженики. Кроме того, на примере эпизода с подачей письменного заявления рабыней Сфрагидой было отмечено, что в Египте положение рабов даже античного типа не вполне совпадало с их статусом в классической Греции и Риме (стр. 88 сл.).

В 1953 г. А. И. Павловская опубликовала статью «Формы землевладения и организация земледелия на царских землях Египта в середине III в. до н. э.»²⁴, в которой отмечала, что «Сведений о применении рабского труда в земледелии на царских землях в документах не сохранилось. Рабы упоминаются лишь в связи с ирригационными работами... Тем не менее наличие рабского труда и возможность его применения в любой отрасли производства, несомненно, оказывали решающее влияние на ухудшение положения свободного непосредственного производителя» (стр. 57). Такими производителями материальных благ были *лаоі* — земледельцы, обрабатывающие царскую землю (стр. 43, 55 сл.). Исходя из концепции неуклонного развития в эпоху эллинизма рабовладельческих отношений, она приходит к заключению, что в птолемеевском Египте, несмотря на тормозящее влияние царского хозяйства, происходил «переход ранних форм рабовладения в развитую рабовладельческую систему», что выражалось в том числе «и в дальнейшем расслоении крестьянства на богатых и бедных, на рабовладельцев и кабальных рабов» (стр. 58).

В этом же году с обобщающей проблемной статьей «Основные черты эллинизма», предназначенной в качестве отдельной главы для II тома подготавливаемой тогда Всемирной истории, выступил К. К. Зельин²⁵. Он предложил свою концепцию эллинизма как конкретно-исторического понятия, не совпадающего с понятием этапа в развитии рабовладельческого общества (стр. 146). По мнению К. К. Зельина, «Период

²² Н. Н. П и к у с, Переломный период в истории эллинистического Египта (конец III в. до н. э.), ВДИ, 1951, № 1, стр. 53—64.

²³ Н. Н. П и к у с, *Паібіскаі* шерстогацкай мастерской Аполлония в Мемфисе, «ВДИ», 1952, № 1, стр. 84—89.

²⁴ ВДИ, 1953, № 1, стр. 40—58.

²⁵ К. К. З е л ь и н, Основные черты эллинизма (Социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ восточного Средиземноморья в период эллинизма), ВДИ, 1953, № 4, стр. 145—156.

эллинизма был временем, когда сосуществовали различные экономические и социальные системы отношений, различные их типы» (стр. 147). Для областей Переднего Востока эллинизм был «периодом распространения форм греческого развитого рабовладения и существенных изменений в положении крестьянских масс» (стр. 147). Определив крестьянство как «переходный класс, формирующийся из свободных земледельцев-общинников родо-племенного строя в результате разложения родовой общины и зарождения рабовладельческих отношений», К. К. Зельин далее заметил, что «ядро их составляли мелкие арендаторы царской, храмовой и частных земель» (стр. 148). Затем, используя определение В. И. Ленина, относившееся к мелким арендаторам в США ²⁶, он назвал «полурабскими издольщиками» царских земледельцев эллинистического времени (стр. 148), что вызвало полемические возражения со стороны В. В. Струве ²⁷. К. К. Зельин также отмечал наличие крупных предприятий в сельском хозяйстве и ремесле, ориентированных на рынок. В этих предприятиях были заняты «рабы или же „свободные“, но по существу бесправные крестьяне и ремесленники восточных эллинистических монархий» (стр. 151). Одновременно существовало царское хозяйство, в котором «вся мощь государства содействовала достижению главной цели — получению наибольшего дохода, присвоению возможно большего прибавочного труда от своих подданных» (стр. 151).

Краткую характеристику социальных отношений и непосредственных производителей в эллинистическом Египте содержит и глава IX второго тома «Всемирной истории», вышедшего в 1956 г. ²⁸. Эта глава также принадлежит К. К. Зельину. В ней он повторяет характеристики, предложенные в названной выше статье, но одновременно уточняет и частично изменяет отдельные формулировки. Он отмечает в эллинистическом Египте рост рабовладения, связанный с развитием товарно-денежных отношений, но оговаривается, что «Значение рабства в Египте определялось не численным превосходством рабского населения по сравнению со свободным, но тем влиянием, которое организация рабского труда оказывала на положение земледельцев и ремесленников в различных отраслях производства. Рабский труд применялся в горном деле и в известной мере в ремесле и в сельском хозяйстве... Труд рабов применялся также в больших имениях... У собственников средней руки — чиновников, военных колонистов и др. — число рабов также было довольно велико... Крупными рабовладельцами были храмы... Работоторговля занимала видное место в торговых операциях» (стр. 238 сл.). Но «для Египта, как и для других эллинистических государств, было характерным сохранение наряду с развитым рабовладением старинных форм рабства: самопродажи свободных, долгового рабства и пр. Представители господствующего класса Египта обращали в рабство в Сирии и Палестине множество лаой» (стр. 239). Однако «основными работниками в сельском хозяйстве были лаой, или „царские земледельцы“ как их называли в Египте. Крупное землевладение сочеталось с мелким землепользованием. Их отношение к государству и к частным лицам формально представляло собой наследственную аренду, определявшуюся арендным договором. Но эта форма была лишь видимостью свободного договора: за ней скрывалось совершенно зависимое положение царских земледельцев; вместе с тем она открывала широкую возможность усиления эксплуатации лаой далеко за пределы сложившихся испокон веков норм. Все сельскохозяйственные работы контролировала и регулировала царская администрация... Земледельцы сохраняли еще общинную организацию, в существовании которой правительство было заинтересовано по фискальным соображениям... Члены общины не имели права оставить свою работу и переселиться в другую местность» (стр. 239 сл.). «На условиях жизни и труда лаой отразились и вековая практика восточной деспотии, и развитие рабовладения в период эллинизма. Население комы не было однородным. Рядом с земледельцами, арендовавшими участки царской земли, жили бедняки, кото-

²⁶ См. В. И. Л е н и н, Соч., Изд. 4-е, т. 22, стр. 13 и 15.

²⁷ В. В. С т р у в е, Общественный строй эллинистического Египта, ВИ, 1962, № 2; см. также А. Г. Б о к щ а н и н, Парфия и Рим, М., 1960, стр. 104 сл.

²⁸ «Всемирная история», под ред. С. Л. Утченко и др., т. II, М., 1956, гл. IX, § 2, стр. 236 сл.

ры не вели никакого самостоятельного хозяйства, работали поденщиками и использовались на государственных работах» (стр. 240). «Положение ремесленников, работавших в царских мастерских, во многом напоминало положение царских земледельцев. Они... были прикреплены к мастерским, в которых работали, их деятельность на каждом шагу тщательно контролировалась администрацией. В египетском ремесле применялся преимущественно свободный труд, но „свобода“ эта, как правило, оказывалась призрачной» (стр. 240). Обобщая данные о «свободных» непосредственных производителях, автор главы обращает внимание на неоднородность социального положения царских земледельцев и ремесленников. Несмотря на зависимое положение, «Ремесленники объединялись в союзы, члены которых сходились на общие обеды, имели своего бога-покровителя, платили взносы в общественную кассу» (стр. 240).

В том же 1956 г. в журнале «Вопросы истории» была помещена статья В. В. Струве «Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма»²⁹. Следуя своей концепции развития рабовладельческого общества, В. В. Струве по-прежнему объяснил положение непосредственных производителей в эллинистическом Египте. На основании главным образом Парижского папируса № 63 (= UPZ, 110) от 164 г. до н. э. он снова указывал на огромное количество бедняков, лишенных каких-либо средств производства в результате далеко зашедшего процесса «разрушения сельских общин в птолемеевском Египте. Бедняки египетской деревенской общины, ставшие поденщиками, конечно, не могут быть отождествлены со свободными наемными рабочими периода капитализма, — продолжал В. В. Струве, — ибо и они, подобно рабам, пребывали по отношению к своему хозяину в условиях внеэкономического принуждения. Разница между ними и рабами заключалась лишь в том, что последние были порабощены на всю жизнь, а первые — на определенное время. Для рабовладельца же эллинистического Египта его рабы и его не менее угнетаемые поденщики сливались, несомненно, в одну недифференцированную массу» (стр. 189). Таким образом, обобщая результаты своего анализа сложного по составу сельскохозяйственного трудящегося населения и повторив точку зрения, высказанную им в 1933 г.³⁰, В. В. Струве обратил внимание еще и на идеологический фактор — идеологию рабовладельца — как на дополнительный источник социального угнетения. Таким же образом он охарактеризовал и положение большинства ремесленников. «Оторванными от средств производства и пребывающими в условиях внеэкономического принуждения являлись и многие из так называемых „гипотелейс“, то есть людей, которые были заняты работами в царских монополиях. Большинство из них, как, например, работники в масляной монополии, не имело ни своих орудий, ни прочих средств производства. В эргастерии, где вырабатывались монополизированные продукты, рабочая сила представлялась наравне с сырьем. Поэтому работники монополий рассматривались как инвентарь тех эргастериев, в которых они трудились. Терминология работ в эргастериях птолемеевского Египта была тождественна с терминологией работ в эргастериях Афин V—IV вв. до н. э. Работники монополий не имели права оставлять места своей работы. Все эти данные со всей определенностью свидетельствуют о рабском положении большинства так называемых „гипотелейс“»³¹. Таким образом, выступая против неудачной, по его мнению, формулировки К. К. Зельина о «полурабских издольщиках», наличие которой он, в частности, ошибочно приписал и IX главе второго тома «Всемирной истории», В. В. Струве впадал в другую крайность, определив как рабов или временных рабов основную массу *ὑποτελεῖς* и *βασιλικῶν γερουρίων*. Следует отметить, что вообще перечисленные исследователи мало уделяли внимания юридической стороне проблемы, отмечая почти исключительно так называемое фактическое положение вещей. Однако нельзя забывать, что юридические нормы тоже являются составной частью фактического положения.

Продолжал развивать и обосновывать ранее высказанную им точку зрения об осо-

²⁹ ВИ, 1956, № 9, стр. 186—191.

³⁰ ИГАИМК, вып. 77, стр. 84, 88.

³¹ ВИ, 1956, № 9, стр. 190 сл.

бенностях развития древнего общества на Переднем Востоке также А. И. Тюменев. В 1957 г. он выступил с большой проблемной статьей на эту тему, опубликованной в двух номерах журнала «Вопросы истории»³². Не отрицая более рабовладельческую основу общественного развития в Египте, А. И. Тюменев выводит теперь зависимое положение широких масс трудящихся, царских земледельцев и ремесленников из местных особенностей развития древневосточного рабовладельческого общества и связывает его с процессом постепенного перехода к феодально-крепостническим отношениям. При этом он отмечал, что организация хозяйства при Птолемах стала более усовершенствованной, чем в эпоху централизованной древневосточной деспотии. Положение различных групп ремесленников он характеризовал по-разному: от прикрепленных к мастерским работников масляной монополии до ткачей, работавших на дому, но стесненных по другому своему статусу, как царских земледельцев³³.

Изменив свою концепцию общественного развития, сформулированную в 30-е гг., А. И. Тюменев теперь подчеркивал наличие в древнем мире двух типов рабовладельческих обществ: греко-римского и восточного и отметил на Востоке «факт самой широкой эксплуатации наряду с собственно рабским трудом также труда местного населения» (там же, стр. 56). Применение античных форм рабовладения, по его мнению, не получило на Востоке широкого распространения. Интересно также замечание А. И. Тюменева, перекликающееся с замечанием О. О. Крюгера, сделанным им еще в 1935 г.³⁴, и с приведенным выше замечанием В. В. Струве о фактически временном рабстве наемных работников³⁵. А. И. Тюменев писал: «Характерно, что сами греки, жившие в Египте, настолько освоились с существовавшими здесь до них порядками, что в отношении по крайней мере туземного населения не проводили грани между рабами и свободными наемными работниками, обозначая тех и других одними и теми же терминами „soma“, „pais“, „paidarion“, „paidiske“»³⁶. Надо отметить, что А. И. Тюменев и В. В. Струве пришли здесь к сходным выводам, несмотря на то, что исследовали рабовладельческое общество, находясь на разных исходных позициях.

Автор настоящего обзора в статье о льняной монополии, опубликованной в 1958 г.³⁷, отмечал, что *ипотеаи́с*-текстильщики во второй половине III в. до н. э. были в основном мелкими ремесленниками, владевшими ткацкими станками и производившими текстиль не только для нужд казны, но и для частных заказчиков и покупателей. Но к концу III в. до н. э. увеличилось значение царских текстильных мастерских, оснащенных казенными станками. По-видимому, большинство ремесленников в это время работало в царских мастерских, выполняя определенные задания казны и получая плату в зависимости от количества, качества и сорта выработанной ткани. Во II в. до н. э. начинается усиление частной выработки и продажи. Зависимость *ипотеаи́с* покоилась «на пережитках общинных отношений (разумеется, сельской общины. — Н. П.), которые стремились использовать в фискальных интересах рабовладельческое государство Птолемея, рассматривая эту возможность как большой местный ресурс» (стр. 104).

Положению нерабского трудящегося населения в эллинистическом Египте уделял большое внимание К. К. Зельин в своей монографии о земельных отношениях в Египте II—I веков до нашей эры, изданной в 1960 г.³⁸. Он конкретизировал и обобщил

³² А. И. Тюменев, Передний Восток и античность (Особенности социально-экономического развития), ВИ, 1957, № 6, стр. 50—70; он же, Передний Восток и античность (Страны речных культур (Двуречье и Египет) в эллинистическую и римскую эпохи), ВИ, 1957, № 9, стр. 37—56.

³³ ВИ, 1957, № 9, стр. 42 сл.

³⁴ ИГАИМК, вып. 108, стр. 107.

³⁵ ВИ, 1956, № 9, стр. 189—191.

³⁶ ВИ, 1957, № 9, прим. 57, см. также стр. 45 сл.

³⁷ Н. Н. Пикус, Эволюция *ипотеаи́с* в эллинистическом Египте в свете Р. Рев. L. и Р. Р. Тебт. 703 и 5, ВДИ, 1958, № 1, стр. 93—104.

³⁸ К. К. Зельин, Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей эры, М., 1960. См. также статью К. К. Зельина «Из истории товарного производства во II—I вв. до н. э.», ВДИ, 1957, № 4, стр. 49—70, вошедшую потом в монографию 1960 года.

ряд положений, высказанных им ранее в статьях и главе во «Всемирной истории». Как и другие советские исследователи, К. К. Зельин отмечал распространение в эллинистическом Египте античного рабства, но сопровождал это наблюдение оговорками. Он ограничил наличие античного рабства только городами, а случаи обнаружения рабов в *хóра* связывал с обитанием там городских жителей. Разбирая содержание большинства папирусов, имеющих сведения о рабах, он, как и другие исследователи, констатировал существование в Египте многообразных видов рабства и зависимости и подчеркивал воздействие рабства на весь строй общества. К. К. Зельин писал: «Свобода человека в Египте, особенно бедняка, находилась под угрозой..., а переход от свободного состояния к рабству был облегчен существованием промежуточных форм зависимости, в которых можно обнаружить те или иные черты рабства. Формы античного рабства, распространившиеся в Египте после македонского завоевания, встретились здесь с многочисленными энхорическими формами, часто вовсе на них непохожими... Признаки рабства, отличающие его от свободного состояния, могли встречаться в различной степени и различных комбинациях, в результате чего и возникали разнообразные формы зависимости, по отношению к которым иногда трудно бывает определить, с чем мы имеем дело: с состоянием свободы или рабства» (стр. 157 сл.). И далее: «В целом таким образом положение греко-египетского общества (и главным образом, разумеется *хóра*) характеризуется наличием тех или иных признаков несвободы. Влияние рабства, пусть иногда в чрезвычайно ослабленных формах, чувствуется во всем строе этого общества» (стр. 158 сл.). Справедливо отметив, что «Рабовладельческие общества античного мира имели много несходного в своей структуре» и что в эллинистическом Египте «рабы в полном смысле этого слова были сравнительно немногочисленны», К. К. Зельин сделал вывод, что в период эллинизма «можно различить два типа этих обществ... и вместе с тем и два пути их развития: один сравнительно медленный, связанный с эксплуатацией полусвободного крестьянства и постепенным развитием античного рабства преимущественно в городах при наличии многообразных примитивных форм рабства, и другой, более быстрый и более насильственный — развитие рабовладения путем войн, пиратских набегов, массового угона и обращения в рабство населения, его ограбления, скопления огромных богатств в результате разорения целых областей и крупнейших центров торговли и культуры. Первый тип развития представлен Египтом и некоторыми другими эллинистическими государствами, второй — Римом» (стр. 160).

Эта концепция существенно образом отличается от концепции А. И. Тюменева, так как последний отрицал деление рабовладельческих отношений на более примитивные на Востоке и на более развитые — античные. Он рассматривал развитие на Востоке и Западе как два параллельных процесса, как два варианта рабовладельческой общественно-экономической формации, качественно различных.

В том же 1960 г. в дискуссионной статье о возможности перехода из неразвитого рабовладельческого общества или даже непосредственно из первобытнообщинного общества к феодализму С. Д. Сказкин и М. Н. Мейман охарактеризовали непосредственных производителей в эллинистической деревне и, в частности, в Египте, как «государственных крестьян», зависящих и в той или иной форме эксплуатируемых государством³⁹.

В небольшой статье, напечатанной в 1961 г. в порядке обсуждения проблемы истории античного рабства, М. М. Слонимский со ссылкой на работы А. Б. Раповича и С. И. Ковалева повторил точку зрения последнего о том, что «положение наемных рабочих в маслодельском производстве и в текстильных мастерских эллинистического Египта мало чем отличалось от положения рабов... В эллинистическом Египте мы имеем качественное, а не количественное преобладание рабского труда, который, как и

³⁹ М. Н. Мейман, С. Д. Сказкин, К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства, ВИ, 1960, № 1, стр. 80.

везде в древнем мире, оказывал решающее воздействие на наемный свободный труд»⁴⁰.

В 1962 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована большая статья В. В. Струве⁴¹, значительное место в которой было уделено научной полемике с изложенными выше положениями К. К. Зельина. В. В. Струве снова подчеркивал наличие далеко зашедшего процесса разрушения сельских общин в эллинистическом Египте (стр. 76), неоднородность имущественного положения *laoi* и появление большого количества разорившихся поденщиков (*ergatai*), которых, ссылаясь на соображения, высказанные в 30-е гг. О. О. Крюгером⁴², он снова охарактеризовал как временных рабов (на период работы на хозяина). Из них могли также рекрутироваться рабы-должники. Вообще В. В. Струве снова повторил свое мнение о том, что рабовладение в Египте было распространено в гораздо большей степени, чем это полагают А. И. Тюменев и К. К. Зельин. В конце статьи В. В. Струве остановился и на положении *hypoteleis*, особенно — маслоделов, и снова охарактеризовал их как рабов (стр. 92 сл.).

Изучаемая проблема была затронута и в вузовском учебнике «История древней Греции», изданном в 1962 г.⁴³ Автору настоящего обзора принадлежала в нем, в частности, глава, посвященная восточным эллинистическим государствам, в которой отмечалось, что «Непосредственно эксплуатируя завоеванное местное крестьянское и ремесленное население, Птолемей в меньшей степени нуждался в покупных рабах, которых численно в Египте было меньше, чем, например, в Греции, Пергаме, Финикии, Сирии. Это было местной особенностью рабовладельческого общества в государстве Птолемеев» (стр. 415). Наряду с новыми работами в 1963 г. была перепечатана в значительно переработанном виде «История древней Греции» В. С. Сергеева⁴⁴. Но его определение общественного развития в эпоху эллинизма было сохранено (стр. 410).

В том же году, обобщая в популярной брошюре из серии «В помощь студенту-историку» высказанные в разное время точки зрения советских ученых по данной теме, И. С. Свенцицкая обрисовала тяжелое положение египетских крестьян — царских земледельцев, лишенных собственности на землю, фактически не имевших права распоряжаться ни своим временем, ни продуктами своего труда, хотя юридически считавшихся царскими арендаторами⁴⁵. В таком же положении полной зависимости от государства находились и царские ремесленники, которые «судя по всему, не имели права покидать мастерские в период работ», «и только мало ощутимая грань — право именоватьсь свободным человеком — отделяла их от положения действительных рабов. Впрочем и эта грань была непрочной — государство имело право продавать за долги несостоятельных должников в рабство — и подобная продажа была одним из важных источников рабства в птолемеевском Египте» (стр. 22).

Следует также отметить статью В. Г. Боруховича, посвященную птолемеевской царской монополии на папирус⁴⁶. В результате изучения документов и историографии вопроса В. Г. Борухович считает, что ремесленники, изготовлявшие папирусную бумагу, были свободными.

Не на количественную, а на качественную сторону процесса развития рабовладения в эллинистическом Египте и на необходимость учета своеобразных местных условий обращал внимание и автор настоящей статьи в своем историографическом об-

⁴⁰ М. М. Слонимский, К проблеме античного рабства, ВДИ, 1961, № 4, стр. 120.

⁴¹ В. В. Струве, Общественный строй эллинистического Египта, ВИ, 1962, № 2, стр. 67—95.

⁴² ИГАИМК, вып. 108, стр. 62.

⁴³ «История древней Греции», под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса, М., 1962.

⁴⁴ В. С. Сергеев, История древней Греции, изд. 3-е (посмертное), переработанное и дополненное, под ред. В. В. Струве, Д. П. Каллистова, М., 1963.

⁴⁵ И. С. Свенцицкая, Социально-экономические особенности эллинистических государств, М., 1963, стр. 20 сл.

⁴⁶ В. Г. Борухович, Папирусные свидетельства об организации и продаже харты в Египте времени Птолемеев, сб. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», М.—Л., 1963, стр. 271—287.

зоре «L'esclavage dans l'Égypte hellénistique»⁴⁷. Это положение хорошо сформулировано Н. И. Конрадом в обобщающей статье «О рабовладельческой формации», напечатанной в 1965 г.: «Рабовладельческая формация характеризуется не рабством как таковым, а общественным строем, в котором рабский труд играет роль способа производства, определяющего экономическую основу общественного бытия на данном этапе истории народа»⁴⁸.

Подведем некоторые итоги. Как мы видели из предложенного выше обзора, советскими историками в разное время было высказано значительное количество мнений относительно социального положения непосредственных производителей — земледельцев и ремесленников — в эллинистическом Египте. Научный обмен мнениями начался еще в период преодоления точек зрения буржуазной историографии и становления советской исторической науки в 20-е и особенно с начала 30-х гг. Он был теснейшим образом связан с выяснением общего характера древнего общества Средиземноморья и Востока, которое уже тогда большинство советских историков считало рабовладельческим. Однако относительно характера общества эллинистического Египта научная дискуссия продолжалась не только по поводу деталей, но и по существу. В. В. Струве характеризовал египетских крестьян и ремесленников с экономической точки зрения рабами. До крайности это мнение развил в своем лекционном курсе С. И. Ковалев, безоговорочно назвав египетских крестьян и ремесленников эллинистической эпохи государственными рабами. Но в это же время О. О. Крюгер, разделяя в основном точку зрения В. В. Струве, обратил внимание на большую сложность аграрных отношений в эллинистическом Египте. Он отметил, что на полях в долине Нила в это время работали рабы, рабочие, положение которых, пока они работали, от рабов ничем не отличалось, и заключенные. Одновременно он нашел в папирусах упоминания о значительно большем количестве работ в сельском хозяйстве греко-римского Египта, чем это считали западноевропейские ученые, и в заключение даже предположил, что землевладение в Египте проделало тот же путь, что и в Италии.

Против изложенной концепции особенно выступал А. И. Тюменев. Он считал, что в эллинистическом Египте была барщинно-оборочная система и хозяйство имело характер не рабовладельческий, а оброчный. Крестьяне жили в крепостных общинах.

Среднюю точку зрения занимал В. С. Сергеев. В своем лекционном курсе он считал, что в эпоху эллинизма вообще рабовладельческая основа сохранялась, но большое значение в сельском хозяйстве и ремесле приобретал труд полусвободных производителей типа римских колонов.

Таким образом, в 30-е гг., за исключением небольшого исследования О. О. Крюгера, проблема социального положения земледельцев и ремесленников в эллинистическом Египте рассматривалась только в докладах и лекционных курсах. Однако в эти же годы наметились две тенденции. Одна — с элементами схематизма, со стремлением объяснить конкретное положение различных групп непосредственных производителей модификациями рабства, другая — стремившаяся противопоставить общей схеме более сложное по своему составу общество, имеющее местные варианты. Причем для эллинистического Египта рабовладельческая основа общества отрицалась.

После перерыва, вызванного Великой Отечественной войной, советские историки в 40-е и последующие годы продолжили исследование этих проблем. На смену общим разработкам довоенного времени, необходимым в тот период для уяснения общей концепции исторического развития общества древнего мира, закономерно пришло углубленное исследование отдельных вопросов. Начался новый плодотворный этап разработки интересующей нас тематики. Крайние точки зрения, высказанные в 30-е гг., были преодолены, и произошло постепенное сближение взглядов на характер общественных отношений в эллинистическом Египте. Так, В. В. Струве, по-прежнему спра-

⁴⁷ N. N. P i k o u s, L'esclavage dans l'Égypte hellénistique, «Actes du X-e Congrès international de Papyrologues», Wrocław — Varsovie — Cracovie, 1964, стр. 97—107.

⁴⁸ Н. И. К о н р а д, Запад и Восток. Статьи, М., 1966, стр. 33.

ведливо подчеркивая бедственное положение крестьян и ремесленников, развивает соображение, высказанное в свое время О. О. Крюгером, о том, что они в период работы на хозяина находились на положении рабов, и называет их только временными рабами. Правда, здесь делается исключение для работников-маслоделов, которых В. В. Струве по-прежнему без оговорок считает находящимися на рабском положении. Одновременно он высказал мысль, что в глазах рабовладельца работавшие в его хозяйстве свободные и рабы сливались в одну общую массу, что ухудшало положение свободных.

А. И. Тюменев более радикально изменил свою прежнюю точку зрения и стал характеризовать общество эллинистического Египта как рабовладельческое, но отличающееся от греко-римского. Он констатировал два типа рабовладельческих обществ, а положение земледельцев и ремесленников выводил из местных особенностей и из процесса перехода к феодально-крепостническим отношениям. В этом последнем отношении его соображения оказались близкими к мысли, высказанной в свое время В. С. Сергеевым.

Другие историки, исследовавшие в своих статьях отдельные аспекты разбираемой нами темы, отмечали, что в условиях рабовладельческого общества эллинистического Египта эксплуатировались различные слои трудящегося населения в порядке найма, субаренды, держания мелких участков царской земли, в царских и частных мастерских, в каменоломнях и рудниках и т. д. Наряду с эксплуатацией свободного и полусвободного труда, естественно, эксплуатировался труд рабов. А. Б. Равович, обобщая ряд исследований в своей монографии, кроме того подчеркивал, что в Египте существовали формы рабства, которые нельзя подвести под шаблон. Но в отличие от А. И. Тюменева он считал, что в царстве Птолемеев происходил переход от ранних форм рабства к развитой рабовладельческой системе. Интересны обобщения в монографии, специально посвященной Египту II—I вв. до н. э., К. К. Зельина. Отметив, что период эллинизма был временем сосуществования различных экономических и социальных систем отношений, для птолемеевского Египта он определил его тоже как период распространения греческих форм рабства и существенных изменений в положении крестьянских масс. Крестьянство К. К. Зельин определил как переходный класс и, таким образом, точнее ранее высказанных характеристик объяснил его место в рабовладельческом в своей основе египетском эллинистическом обществе. Он отметил многообразие видов рабства и зависимости, многообразие промежуточных форм и признаков большей или меньшей несвободы, обусловленной существованием тысячелетней деспотии и влиянием рабства, которое в эллинистическом Египте следует учитывать не с количественной, а с качественной стороны.

Так в истекшие десятилетия развивалось и углублялось исследование особенностей социального развития эллинистического Египта. Это исследование временами сопровождалось резкой полемикой между представителями разных точек зрения, естественной для развивающейся науки. Оно, как видно из предложенного обзора, было многосторонним и плодотворным. От общих, не всегда достаточно обоснованных положений, высказанных в начале 30-х гг., используя их рациональные зерна, наша наука на основе многогранного изучения конкретных исторических источников в настоящее время констатирует сложность, многоукладность рабовладельческого в своей основе общества эллинистического Египта. Эта сложность, естественно, требует дальнейших исследований.

Н. Н. Пикус